

СОДЕРЖАНИЕ

БЛАГОДАРНОСТИ	9
ГЛАВА 1. БЕССПОРНЫЙ НЕФТЯНОЙ КОРОЛЬ	10
ГЛАВА 2. «ВЕЛИЧАЙШИЙ ДЬЯВОЛ»	14
Первая встреча ◆ Симпатичный и хитроумный ◆ «Он был нашим богом» ◆ Высшая цель ◆ Антисемитские стереотипы ◆ Самая сильная сторона ◆ Катание на лыжах в Санкт-Морице	
ГЛАВА 3. ЕВРЕЙСКОЕ СЧАСТЬЕ	29
Спасаясь от Холокоста ◆ Касабланка ◆ «Мы все потеряли, зато остались живы» ◆ «Он был маленький, говорил с акцентом, и он был еврей» ◆ Самое большое влияние	
ГЛАВА 4. АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА	38
Евреи и коммерция ◆ Первая сделка ◆ Создать новый рынок ◆ Деликатные поручения ◆ Кубинская революция Фиделя Кастро ◆ Друзья в фашистской Испании ◆ Американский герой	
ГЛАВА 5. НЕФТЬ БЬЕТ ФОНТАНОМ	50
Первое в мире нефтяное эмбарго ◆ «Семь сестер» ◆ Цунами нефтяной национализации ◆ «Нужный человек в нужном месте» ◆ Пинкус Грин	
ГЛАВА 6. ИЗРАИЛЬ И ШАХ ИРАНА	57
Сверхсекретный израильский трубопровод ◆ Торговля с шахом Ирана ◆ Нефтяной посредник ◆ Война Судного дня ◆ Разрыв	
ГЛАВА 7. МАРК РИЧ И ЕГО КОМПАНИЯ	66
Швейцарская конфиденциальность ◆ Вендетта ◆ Благодаря иранской нефти ◆ Нефтяной шок 1974 года ◆ Быстро, агрессивно, надолго ◆ Изобретение спотового рынка ◆ Секрет доверия ◆ «Не дай им сожрать твою душу» ◆ Пионер глобализации	

ГЛАВА 8. БИЗНЕС С ИРАНОМ ПРИ ХОМЕЙНИ.....	78
<i>Возвращение Хомейни ◆ Кризис с заложниками ◆ Второй нефтяной шок ◆ «Нам хватало нефти, а конкурентам — нет» ◆ Спасение Израиля</i>	
ГЛАВА 9. ТО САМОЕ ДЕЛО	88
<i>«Марк... как?..» ◆ «Паля из всех стволов» ◆ Бегство Рича в Швейцарию ◆ За дело берется Рудольф Джулиани ◆ Драконовский штраф ◆ Под перекрестным огнем ◆ «Крупнейшее из всех обвинений — в уклонении от налогов» ◆ Как регулировались цены на нефть ◆ «Фиктивные сделки» ◆ «Ядерная бомба» прокуратуры ◆ Безоговорочная капитуляция</i>	
ГЛАВА 10. ПРОМАХИ РУДИ ДЖУЛИАНИ.....	104
<i>Загадочное упущение ◆ Несговорчивые швейцарцы ◆ Американский юридический изоляционизм ◆ Слишком много ошибок ◆ Не признан невиновным ◆ Пять изъянов ◆ Все на одного ◆ Политическое дело</i>	
ГЛАВА 11. «Я НИКОГДА НЕ НАРУШАЛ ЗАКОН»	118
<i>«Им понадобился козел отпущения» ◆ Применение чрезмерной силы ◆ Его самая большая ошибка ◆ Почему он не вернулся</i>	
ГЛАВА 12. ОХОТА НА МАРКА РИЧА.....	123
<i>Утечки в правительстве ◆ Под оперативным псевдонимом «Ребусник» ◆ Рич спасает лондонский туман ◆ «Я был очень осторожен» ◆ Авнер Азулай ◆ Достойные сожаления попытки ◆ Тайное покровительство ◆ «Крестовый поход против меня»</i>	
ГЛАВА 13. НЕГЛАСНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ.....	135
<i>Тайная встреча с Марком Ричем ◆ «Ни единого дня в тюрьме» ◆ Никаких переговоров с беглецами ◆ «Мстительные времена»</i>	
ГЛАВА 14. СЕКРЕТЫ УСПЕХА.....	140
<i>От Анголы до ЮАР ◆ Дальше собственного носа ◆ Взятки ◆ Талантливый мистер Рич ◆ Айн Рэнд ◆ Таинственный месье Ндоло ◆ Ангольский абсурд ◆ Ямайка — любовь моя ◆ Южноафриканские уловки ◆ Сделки с диктаторами</i>	

ГЛАВА 15. УДИВИТЕЛЬНЫЕ УСЛУГИ	157
<i>Как Рич помог Израилю и США ◆ Примирие между Израилем и Египтом ◆ Запечатанные конверты ◆ Секретное сотрудничество с американским правительством ◆ Помощник израильского «Моссада» ◆ Бегство из Йемена ◆ Неформальный посредник между Израилем и Ираном</i>	
ГЛАВА 16. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ РИЧЕЙ	166
<i>«Папочка, не приезжай домой, пожалуйста!» ◆ Могилу дочери переносят в Израиль ◆ Свидание «вслепую» с Дениз Айзенберг ◆ Семейные ценности ◆ Требовательный отец, властная мать ◆ Дениз пишет песни ◆ Эта высокая светловолосая немка ◆ Не опаздывай! ◆ «Марк разрушил нашу семью» ◆ \$365 млн для Дениз ◆ «Моя самая большая неудача»</i>	
ГЛАВА 17. КОНЕЦ НЕФТЯНОГО КОРОЛЯ	178
<i>Самая плохая сделка за всю карьеру Рича ◆ Бегство с тонущего корабля ◆ Если не можешь поймать рыбу... ◆ «Немного Рича у меня в кармане» ◆ Марк Рич уходит ◆ «Я был слаб» ◆ Неудачное возвращение ◆ Страх умереть в нищете ◆ Филантроп</i>	
ГЛАВА 18. ПОМИЛОВАНИЕ	188
<i>Шум и ярость ◆ Как было организовано помилование ◆ Разумная осторожность ◆ Помощь Эхуда Барака ◆ Финансист мирного процесса ◆ Роль Дениз Рич ◆ Деликатная финансовая договоренность ◆ Роль Эрика Холдера ◆ Мотивы президента Клинтона ◆ Хорошо с рациональной — плохо с моральной ◆ Налоговая сделка ◆ «Я никогда не вернусь в Америку»</i>	
ГЛАВА 19. БУДУЩЕЕ ПО МАРКУ РИЧУ	207
ГЛАВА 20. «МЫ БЫЛИ ЛЕТАЮЩИМ БАНКОМ»: КАК МАРК РИЧ НАЖИВАЛСЯ НА РОССИИ, А РОССИЯ НА МАРКЕ РИЧЕ	214
ЭПИЛОГ. СЕРАЯ ЗОНА	219
ПРИМЕЧАНИЯ	222

БЛАГОДАРНОСТИ

Я бы не смог написать эту книгу без помощи и рекомендаций десятков людей, с которыми я прежде даже не был знаком. Нефтяные и сырьевые трейдеры, тем или иным образом сотрудничавшие с Марком Ричем на протяжении 40 лет, делились со мной своими мыслями и воспоминаниями, открывали передо мной двери и документы, объясняли технические тонкости торговых и финансовых операций. Они стремились нарисовать общую картину, они открывали мне свои маленькие секреты. Большинство из них избегают публичности и не хотят, чтобы их имена появились в книге. Я благодарен всем вам, доверившимся мне — человеку, которого прежде совсем не знали.

Артур Клебанофф был для меня лучшим агентом и советником, какого только можно пожелать: высокопрофессиональный, заинтересованный, глубоко информированный, с отличным чувством юмора. Фил Ревзин, главный редактор издательства St. Martin's Press, верил в этот проект с того момента, как мы впервые его обсудили. Роджер Коппел, владелец и главный редактор моего родного журнала *Die Weltwoche*, великодушно позволил мне уйти в длительный отпуск с поста бизнес-редактора. Примите от меня самую искреннюю благодарность.

Многие друзья и коллеги тратили свое время на то, чтобы ставить правильные вопросы, просматривать, обсуждать и исправлять мою рукопись. Их критические замечания были лучшим подтверждением нашей дружбы.

Среди тех, кто так или иначе помогал мне издать эту книгу, я хочу выразить свою сердечную благодарность Авнеру Азулаю, Стефану Бармет-тлеру, Саймону Бруннеру, Петеру Ханселеру, Пие Хифнер-Хуг, Кристиану Конигу, Томасу Крамеру, Михаэлю Кробату, Монике Мейли, Айзеку Керубу, Карин и Кристофу Ротенхоферам, Урсуле Санто-Доминго, Джуну Сарбаху, Дэнни Шехтеру, Петеру Шилдкнехту, Дорис и Якубу Шилдкнехтам, Маркусу Шнайдеру, Стефану и Лидии Спор, Кристине Стеффен, Габриеле Верфели, Андре Вики, Йодоку Вики, Марку Уилларду и ассоциации переводчиков Tradukas, Бруно Зиауддину, Дейву Золлингеру и Аллану Цукеру. Отдельно хочу упомянуть Ханса Йорга Бруна, без помощи которого эта книга не появилась бы на свет.

Глубочайшая благодарность моим родителям Маргрит и Йозефу Амманн-Малер, которые всегда верили в меня и научили добиваться своего. А больше всего я благодарен Ирене Шилдкнехт Амманн, самой лучшей жене, и Эмилии, самой лучшей дочери, за их любовь, поддержку и — столь необходимое! — терпение.

ГЛАВА 1

Бесспорный нефтяной король

Нефть, она же черное золото. Этот «самый конфликтный природный ресурс в мире» породил могущественные династии Рокфеллеров и Гетти¹. Ради нефти Саддам Хусейн и другие диктаторы вторгались в соседние страны; нефть свергала властителей, например шаха Ирана. И в наши дни многие государства готовы начать войну, лишь бы не потерять надежный доступ к этому стратегическому ресурсу. Без нефти не сдвинутся с места автомобили и не взлетят самолеты. Без нефти закроются больницы и опустеют торговые центры. Современная экономика немыслима без нефти. Нефть не только важнейший источник энергии – она еще и самый важный товар индустриального общества. Мы живем в нефтяном веке. Мы – «углеводородное человечество», и сама наша жизнь невозможна без нефти².

Спотовый рынок нефти был одной из самых прибыльных идей XX в. Марк Рич внедрился на мировой нефтяной рынок, когда его контролировали могучие транснациональные корпорации, а сырая нефть стоила \$2 за баррель. К лету 2008 г. цена барреля взлетела до рекордных \$140³. Начинание Рича было поистине революционным и фантастически успешным. В 1970-х гг. Рич с горсткой надежных партнеров сумели сломить монополию «Семи сестер», картеля, державшего в руках все секторы нефтяного бизнеса от скважины до бензоколонки. Рич и его партнеры создали первый действующий свободный рынок нефти. Они изобрели спотовый рынок. Благодаря торговле нефтью Рич, приехавший в Соединенные Штаты нищим беженцем, спасавшимся от холокоста, стал одним из самых богатых и влиятельных игроков сырьевых рынков. Он уверенно двигался к трону «бесспорного нефтяного короля», как называл позже один из многолетних партнеров.

Вслед за взлетом на вершину могущества вскоре последовало падение – падение, стоявшее миллиардеру Ричу потеря репутации, жены и компаний. Мир знает Марка Рича вовсе не по его предпринимательским достижениям, действительно поразительным и многочисленным. О нем не вспоминают как о первопроходце глобализации, которым он, безусловно, был. Его имя не стало олицетворением американской мечты, а ведь лишь благодаря собственным усилиям он превратился из безденежного европейского еврея, спасшегося от нацизма, в одного из богатейших людей Америки.

Несмотря на свое баснословное богатство, Марк Рич потерял власть над собственным имиджем. При упоминании его имени люди представляют себе трейдера-миллиардера, сбежавшего из Соединенных Штатов в 1983 г. из-за обвинения в уклонении от налогов и незаконных нефтяных операциях с Ираном во время кризиса с заложниками. Имя Марка Рича упоминают в связи с сомнительным помилованием, которое он получил в последние часы президентства Билла Клинтона в январе 2001 г., — «одно из самых отвратительных деяний клиントоновской администрации», как написал об этом журнал *Forbes*⁴. Марк Рич — это тот, кто, по словам республиканца Дэна Бертона, председателя Комитета по надзору за деятельностью правительственные органов палаты представителей США в 1997–2002 гг., вел бизнес «чуть ли не с каждым врагом Соединенных Штатов»⁵.

Кто же этот человек, который всю жизнь играл по-крупному и по-крупному же рисковал? Человек, которого войны и революции не пугали, а, наоборот, для которого они открывали новые деловые перспективы? Что на самом деле представляет собой Марк Рич, которому почти 20 лет удавалось ускользать из рук спецслужб могущественнейшей в мире державы? Одному из самых значительных и неоднозначных трейдеров сырьевых рынков XX столетия посвящена всего лишь одна биографическая книга, написанная почти четверть века назад и уже устаревшая⁶. Не исключено, что это связано с уголовным преследованием 1983 г., из-за которого Рич и сегодня остается персоной нон грата. Более вероятная причина кроется в том, что Рич даже в сообществе сырьевых трейдеров, известных своей замкнутостью, считается человеком скрытым. Годами никто не видел его фотографий, прессе, публикующей материалы о нем, приходилось довольствоваться зарисовками художников. Рич упорно избегал встреч с журналистами. Последнее более-менее крупное интервью он дал более 20 лет назад. Никому не удалось понять, что представляет собой Марк Рич. Никто не смог проникнуть в его тайны. Именно это я и попытался сделать три года назад.

«Уважаемый мистер Рич, — писал я ему в декабре 2006 г., прося о встрече. — Я стремлюсь лучше узнать вас — ваши ценности, ваши мысли и ваши мотивы». Дальше шел длинный список вопросов.

Я старался убедить его, что не охочусь за жареными фактами. Меня интересовало другое: почему он считал возможным вести дела с Ираном аятоллы Хомейни, с Кубой Фиделя Кастро, с расистской Южно-Африканской Республикой — с коррумпированными, жестокими националистическими режимами? Я хотел услышать, что он скажет по поводу обвинений в неуплате налогов, прозвучавших из уст самого Рудольфа Джулиани^{*}.

* Джулиани, Рудольф (*Rudolph William Louis Giuliani*; род. в 1944 г.) — американский политик. Будучи окружным прокурором, а в 1994–2001 гг. мэром Нью-Йорка, стал широко известен своей успешной борьбой с городской преступностью. — Прим. ред.

Почему он не вернулся в Соединенные Штаты, чтобы защищать себя в суде? Почему его в конце концов помиловал президент Клинтон? Я хотел спросить, как он перенес смерть дочери, не имея возможности приехать в США во время ее болезни. И конечно же, я хотел узнать, как именно ему удалось добиться таких успехов в бизнесе.

По правде говоря, я не надеялся на ответ. Рич никогда не отвечал на подобного рода вопросы. К моему изумлению, он согласился встретиться со мной. Может быть, ему польстило, что как журналист я больше десяти лет следил за его судьбой. Я всегда старался быть честным и непредубежденным. В каждой публикации о Риче я предлагал ему высказать его мнение. Еще большим сюрпризом для меня стало то, что Рич согласился с моим требованием полной свободы во всем, что я напишу. Я настаивал на праве окончательной редакции и не собирался писать «одобренный автором» текст — я хотел провести самостоятельное исследование и, естественно, иметь право написать и то, что ему не понравится. Рич согласился, но с одним условием: он хотел прочитать рукопись, прежде чем она отправится виздательство, и указать на возможные ошибки. Я согласился, оговорив, что не обещаю вносить изменения там, где буду уверен в своей правоте. Его комментарий после прочтения рукописи был максимально краток. В своем письме он поблагодарил меня за «взвешенный рассказ» и не предложил ни единой поправки.

Важным источником информации для этой книги стали наши продолжительные беседы. Как вы увидите, Рич ответил и на вопросы, которые я собирался задать изначально, и на многие другие. На некоторые темы он прежде вообще не высказывался. Рич отказался отвечать лишь там, где, как он считал, ему не следовало говорить по юридическим соображениям. Он откровенно рассказывал о своих операциях в неспокойных регионах, признал, что вел дела с Ираном, Южной Африкой, Анголой и Кубой. Он впервые говорил о своем судебном деле, утверждая при этом, что никогда не уклонялся от уплаты налогов и не нарушал закон.

Я разговаривал с десятками нефтяных и сырьевых трейдеров из США, Африки, Европы и Азии — с людьми, которые тем или иным образом работали с Ричем в течение последних 40 лет. Они рассказывали мне об основных этапах его жизни, о его главных деловых партнерах, о важнейших коммерческих сделках. Они посвящали меня в тонкости сырьевой торговли. Мне пришлось смириться с тем, что большинство из них пожелали остаться анонимными. Как оказалось, торговцы сырьевыми ресурсами стремятся избегать огласки еще больше, чем швейцарские банкиры. В их бизнесе, который нередко сводит партнеров, официально не желающих иметь друг с другом ничего общего, важнейшей предпосылкой успеха является осмотрительность. Я прочел множество документов (зачастую конфиденциальных), имеющих отношение к Ричу и его компаниям.

Желая узнать больше о личной жизни Марка Рича, я побеседовал с его дочерями Даниэль и Илоной, с его близкими друзьями, в том числе с Майклом Стейнхардом – живой легендой в мире хедж-фондов. Особен-но важной была беседа с Дениз Рич, очень яркой женщиной. Она откро-венно рассказывала о жизни с бывшим мужем, об их мучительном раз-воде и о своей роли в помиловании Марка. Испанская маркиза Урсула Санто-Доминго, первый секретарь Рича, рассказала мне о ранних шагах своего бывшего босса в трейдерском бизнесе. Бывший офицер израиль-ской разведки «Моссад» прояснил вопрос об особенностях отношениях Рича с Израилем и серьезных услугах, которые он оказывал еврейскому государ-ству. Наконец, адвокаты Джек Квинн (бывший советник Билла Клинтона), Роберт Финк и Андре Вики убеждали меня, что обвинение, выдвинутое против их клиента, было слабым.

Конечно же, я разговаривал и с противниками Рича: с его «ангелом мщения» Моррисом («Сэнди») Вайнбергом-младшим, который, едва начав работать помощником федерального прокурора Южного округа Нью-Йор-ка, вел расследование по сделкам Рича и выдвинул против него офици-альное обвинение⁷. Я беседовал с бывшим федеральным маршалом Кеном Хиллом, который в течение 14 лет пытался арестовать – или даже похи-тить – Рича. Я разговаривал со служителями Фемиды, с американскими и швейцарскими дипломатами, и они показывали мне документы, о ко-торых не смогли бы рассказать официально. Я разговаривал с конкурен-тами Рича и с его бывшими работниками, рассорившимися с ним.

Результатом всех разговоров и исследований стала эпическая история о власти, история о морали и аморальности, история об изобретатель-ности, в которой многое выглядит иначе, чем мы это себе представляли. Перед вами история, в которой частная жизнь сталкивается с мировой политикой, – сага о Марке Риче.

ГЛАВА 2

«Величайший дьявол»

То утро в Санкт-Морице выдалось очень холодным. Я шел к машине, под ногами хрустел снег, изо рта вырывались облачка пара. Термометры на самом старом и знаменитом лыжном курорте показывали -22°C , и воздух чуть не похрустывал от мороза. Прежде чем сесть в машину, пришлось счищать толстый слой льда с окон. Я надеялся, что, несмотря на холод, машина заедется, и вполголоса ругался, подавляя нервозность. «Ну пожалуйста!» — взмолился я, поворачивая в замке ключ зажигания. Тот, с кем я договорился кататься на лыжах в Швейцарских Альпах, больше всего на свете не любил опозданий. Это я знал наверняка. Однажды я спросил его, почему он развелся с женой, и он ответил: «Она постоянно опаздывала. Постоянно»¹. Судя по голосу, он не щутил.

Я ни в коем случае не мог опоздать. Через полчаса у меня была встреча с Марком Ричем — самым могущественным, самым важным, самым одиозным нефтяным трейдером XX в. Никто из его коллег не достиг таких успехов, и никто не пробуждал таких сильных эмоций. Друзья обожали его за выдающиеся таланты, благодаря которым он буквально перевернул международную торговлю. Враги презирали как беспринципного торгаша, готового продать собственную бабушку, если за нее предложат хорошую цену. Похоже, Марка Рича, которому к тому времени исполнилось 74 года, воспринимали исключительно в черно-белых тонах, без всяких оттенков. Тот факт, что его в январе 2001 г. помиловал Билл Клинтон, ничего не изменил. Более того, это событие произвело обратный эффект. Для противников Рича это помилование, одно из «самых скандальных» в истории Соединенных Штатов, лишь доказывало, что он способен купить что угодно и у кого угодно — даже неприкосновенность у президента сверхдержавы².

Я хотел узнать, что этот человек представляет собой на самом деле, без упрощений и стереотипов. Как бедный мальчик Марселя Райх, еврейский беженец из Бельгии, превратился в Марка Рича — «одного из богатейших и могущественнейших сырьевых трейдеров всех времен и народов», как назвала его газета *Financial Times*? Как, появиввшись из ниоткуда, он с горсткой партнеров сумел занять доминирующие позиции в мировой торговле нефтью и другими сырьевыми товарами? Какими были важнейшие решения и ключевые события в его невообразимой карьере? На что

ему пришлось ради этого пойти? Через что он не смог переступить? Какими были его величайшие успехи и самые жестокие поражения? Что подстегивало его честолюбие? Чему можно научиться на его поразительном предпринимательском опыте?

Я повернул ключ зажигания, и мой черный «опель» завелся. Мне повезло. Похоже, мороз плохо сказался только на колонках – голос Мика Джаггера звучал на удивление глухо: «Позвольте, я представлюсь: я эстет и богатей»⁴. Еще не было восьми часов утра, на улицах было полно снега и ни одной живой души. Я осторожно ехал по замерзшему Санкт-Морицу, направляясь в роскошный «Сувретта-Хаус» – лучший отель в городе. Через несколько дней его заполонят богатые туристы, сливки европейского общества, что сочли «Сувретта-Хаус» подходящим местом для рождественских и новогодних праздников. В это утро укрывшийся среди застекленных сосен отель выглядел безмятежно-спокойным. У входа в него толпилась стайка снеговиков с красными морковками вместо носов.

Из динамиков несся голос Мика Джаггера. «Сочувствие дьяволу», песня Rolling Stones, написанная 40 лет назад в памятном 1968 г., теперь вновь звучала чуть ли не на каждой радиостанции. Я свернул направо, к нижней станции подъемника «Сувретты», где мне назначил встречу «величайший дьявол» – термин, которым пользовался сам Марк Рич. «Меня изображали величайшим дьяволом», – ничуть не жалея себя, сказал он во время последнего нашего разговора в его офисе в швейцарском городе Цуг. Те, кому знаком буквализм Рича, знают, что он не склонен к преувеличениям.

Крейг Копетас, почти четверть века назад написавший первую и до сих пор единственную биографию Рича, именовал его «подлинным Князем Тьмы»⁵. Рича изображали воплощением зла, безжалостным злодеем, капиталистическим чудищем, пальцы которого «испачканы кровью, потом и слезами третьего мира»⁶. Многие годы имя Марка Рича было символом жадности и беспринципности – самых ужасных качеств «реального капитализма».

Можно назвать точную дату, когда это имя вырвалось из-под контроля своего владельца. 19 сентября 1983 г., в понедельник, перед журналистами предстал молодой честолюбивый федеральный прокурор Южного округа Нью-Йорка Рудольф («Руди») Джулиани. Изо всех сил пытаясь скрыть лицование, он возбужденно объявил о том, что выдвинул обвинение в «величайшем налоговом мошенничестве в истории». Отрывки из обвинения он зачитал вслух озадаченным журналистам и телевизионщикам. Газета *The New York Times* назвала это «необычной публичной демонстрацией»⁷.

Джулиани обвинил Рича, которому тогда было 48 лет, в 51 преступлении⁸. Помимо уклонения от налогов на сумму не менее \$48 млн ему были предъявлены обвинения в勒索罪, в тайном словоре и торговле с враждебными государствами – тяжелейших преступлениях в глазах

добропорядочных граждан. Утверждалось, что Рич торговал иранской нефтью, игнорируя наложенное на Иран американское эмбарго, в то время как граждане США были заложниками в Тегеране. Из библиотечного зала здания прокуратуры США Джулиани заявил, что Рич и его деловой партнер Пинкус Грин проведут остаток жизни за решеткой. К тому времени оба эти бизнесмена уже сбежали вместе с семьями в Швейцарию, где находилась штаб-квартира компании Marc Rich + Co. AG (AG означает Aktiengesellschaft, «акционерное общество»), основанной десятью годами ранее.

С тех пор следователи часто стали называть свое расследование «величайшим налоговым мошенничеством в американской истории», политики — именовать Рича «миллиардером-беглецом», а журналисты — писать статьи о «самом разыскиваемом экономическом преступнике в истории США», в запросе поисковика Google по этим словам имя Марка Рича на первом месте⁹. Понятно, что обвинение в торговле с враждебной страной больше всего впечатляет публику. Конгрессмен-республиканец Крис Шейс, выражая общественное мнение, назвал Рича «предателем [своей] страны — нашей страны»¹⁰. Для многих Марк Рич просто враг своего государства.

«Величайший дьявол». Я поразился, услышав эти слова от самого Рича. У него есть свои сильные стороны, но разговорчивость в их число не входит. Он говорит обдуманно и кратко, обычно укладываясь в два-три предложения. Меня об этом предупреждали. Я не надеялся выжать из него больше, чем «да», «нет» или «что?». Рич говорит по-английски с едва заметным немецким акцентом (это родной язык его отца) и на удивление мягким голосом. При этом он смотрит прямо в глаза собеседнику, следя за его реакцией. Его рукопожатие так же крепко, как и убежденность в том, что от журналистов можно ждать лишь неприятностей.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Впервые мы встретились с Марком Ричем за несколько месяцев до катания на лыжах в Санкт-Морице. Мы сидели в его офисе в Цуге, на верхнем этаже ничем не примечательного современного офисного здания рядом с железнодорожным вокзалом. Чтобы подняться наверх и полюбоваться видом из широких окон на деловой центр города и пологие окрестные холмы, нужно пройти изощренную систему безопасности. В фойе офисного здания, расположенного рядом с популярным в городе тренажерным залом, за посетителями, идущими к лифту, следят видеокамеры. Здесь расположены офисы юристов и распорядителей активов. На пятом этаже посетитель натыкается на дверь из матового стекла с табличкой MARC RICH GROUP. Нажав на кнопку звонка, вы замечаете еще одну камеру, изучающую вас. Дверь открывается, и вы попадаете в нечто наподобие стеклянной кабинки, а по ту сторону стеклянной двери вас рассматривает секретарь. Не удивлюсь, если эти двери из пуленепробиваемого стекла.

Вторая дверь открывается лишь после того, как закрылась первая, — и вот вы уже в офисе компании.

В приемной стоит маленький стеклянный столик и два черных кожаных офисных кресла модели LC2 — творение швейцарского дизайнера и архитектора Ле Корбюзье. «Марк Рич Груп», доброе утро», — по-английски отвечает по телефону секретарь, хотя в Цуге обычно говорят по-немецки, да и утро давно уже прошло. Один из самых верных трейдеров Рича как-то сказал мне, что «над империей Марка Рича никогда не заходит солнце». Он переиначил слова испанского короля Карла V (1500–1558), императора Священной Римской империи, который благодаря открытию Америки Христофором Колумбом правил половиной земного шара. «Марк — бесспорный нефтяной король», — сказал трейдер.

Секретарь ведет меня в кабинет Рича по лабиринту коридоров, отделанных исключительно белым. На стенах картины современных испанских художников Мигеля Барсело и Антони Тапиеса. Песочного цвета ковер глушит звук шагов. Не доходя до кабинета директора, я замечаю двух крепкого сложения мужчин, сидящих за перегородкой, уткнувшись в компьютеры, вид у них довольно усталый. «Водители», — отвечает на мой вопрос секретарь. «Охрана», — уточняет позднее Марк Рич. Два телохранителя, не отходящих от него ни на шаг, даже если он идет в кафе напротив, напомнили мне о тех временах, когда американское правительство назначило награду за его голову. Тогда за Ричем по всему миру охотились агенты спецслужб и просто авантюристы, а сам он передвигался исключительно в бронированном Mercedes.

За безопасность шефа отвечает маленькая, но весьма эффективная команда специалистов во главе с бывшим офицером «Моссада». Не приходится сомневаться в их квалификации, ведь у американских спецслужб, пытавшихся похитить Рича и вывезти его из страны, ничего не получилось. «Он хорошо платит за безопасность. У Рича достаточно денег, чтобы купить то, что ему нужно. Захватить его не легче, чем захватить какую-нибудь страну», — говорил мне Кен Хилл во Флориде. В бытность судебным приставом он в течение 14 лет пытался схватить Рича. (Мы еще вернемся к этой истории в главе 12.)

«Какие обвинения вас задевают сильнее всего?» — спрашиваю я Рича уже в его кабинете, чтобы «раскрутить» беседу. «О каких обвинениях вы говорите?» — задает он встречный вопрос.

Если вопрос кажется ему неточным, он отвечает вопросом на вопрос. Он сидит за длинным деревянным столом и что-то записывает в блокнот, лежащий на настольном коврике из белой кожи. На нем, как всегда, синий костюм с белой рубашкой и красным галстуком. Он простужен, и перед ним стоит чашка с куриным бульоном. Пахнет сигарным дымом, как всегда во время наших встреч. В хрустальной пепельнице лежит недокуренная кубинская сигара Cohiba — одно из немногочисленных удовольствий,

которых Ричу не видать в Соединенных Штатах. С 7 февраля 1962 г. кубинские сигары, как и вся остальная продукция Кубы, запрещены на территории США. В тот день Джон Кеннеди своим указом наложил торговое эмбарго на Кубу, но прежде велел своему пресс-секретарю Пьеру Сэлинджеру скупить в столичном Вашингтоне все доступные запасы своего любимого сорта сигар¹¹.

На большом мониторе, стоящем на столе Рича, мелькают биржевые индексы и текущие графики курсов валют. Мое внимание привлекли две книги, лежащие рядом: последнее издание международного справочника брокеров рынка металлов и автобиография Билла Клинтона «Моя жизнь». Рядом с монитором стоят фотографии – в основном дочерей Рича, Илоны и Даниэль, и их детей. На переднем плане – фото его второй дочери Габриэль с Биллом Клинтоном и Алом Гором. Габриэль умерла от лейкемии в 1996 г. в возрасте 27 лет. На другой фотографии – израильский премьер-министр Эхуд Ольмерт в обнимку с Ричем. На стене в простых деревянных рамках висят два диплома почетного доктора израильских университетов, врученные Ричу в 2007 г. Как мы увидим позднее, Билл Клинтон помиловал Рича во многом именно благодаря ходатайствам израильских политиков. Израиль был признателен Ричу по многим причинам, включая важнейшие тайные услуги, о которых мы тоже еще поговорим.

«Вы покупали иранскую нефть у аятоллы Хомейни, когда муллы держали в заложниках сотрудников американского посольства, – ответил я на вопрос Рича. – Вы вели дела с Фиделем Кастро, несмотря на американское торговое эмбарго. Вы торговали южноафриканской нефтью, когда чернокожее население страдало от апартеида. Вы провернули крупнейшую налоговую махинацию в истории Соединенных Штатов». – «Я так часто слышал эти обвинения, что они меня больше не задевают», – мягко сказал он. «Когда тебя называют “величайшим дьяволом”, как вы сами выразились, это должно задевать», – настаивал я. «Меня не задевает», – ответил Рич.

Его резкий ответ прозвучал после предательски длинной паузы. Это был один из немногих случаев, когда слова Рича звучали неубедительно. Несколько его друзей уверяли меня, что эти обвинения глубоко ранили его.

Почувствовав мое недоверие, он одарил меня загадочной улыбкой и неожиданно спросил: «Вы на лыжах катаетесь?»

Я удивленно кивнул: «Какой швейцарец не катается на лыжах? Я впервые встал на лыжи в три года». Моему голосу следовало звучать чуть более уверенно.

– Посмотрим, как вы стоите на лыжах, – сказал он и предложил покататься вместе перед Рождеством.

СИМПАТИЧНЫЙ И ХИТРОУМНЫЙ

В то холодное декабрьское утро я первым приехал на пустую парковку за лыжным подъемником, где назначил мне встречу Рич. За несколько предыдущих месяцев я узнал, какой он в жизни: лаконичный, но откровенный; симпатичный и хитроумный, в высшей степени собранный, несмотря на свои 74 года. Наверное, больше всего меня поражало, что человек, последний раз давший интервью еще до падения Берлинской стены и относящийся к публичности и журналистам хуже, чем вегетарианец к окороку, — что такой человек отвечал практически на все мои вопросы, даже весьма деликатного свойства.

Биография Марка Рича типично американская — и в то же время это биография еврея-эмигранта. Часть его саги — воплощение американской мечты, когда чистильщик сапог превращается в миллионера. Это история еврейского мальчика Марселя Райха, беженца из Антверпена, едва избежавшего гибели в холокосте. Весной 1940 г. его семья успела покинуть Бельгию за день до того, как нацисты вошли в страну. Маленьким мальчиком Марселя вместе с родителями приплыл в Марокко на грузовом судне, а потом им очень повезло добраться до Соединенных Штатов — без денег и совершенно не владея английским. Под именем Марка Рича он вошел в мир торговли — одной из немногих сфер деятельности, которыми евреям позволялось заниматься в прошлые времена, — и, будучи совсем молодым, быстро снискдал репутацию вундеркинда. Благодаря замечательным талантам, упорству и настойчивости он стал одним из успешнейших сырьевых трейдеров своего времени. А затем он вступил в конфликт с законом — настолько серьезный, что ФБР внесло его в список самых разыскиваемых преступников. Правительство США назначило большое вознаграждение за его поимку и охотилось за ним по всему свету.

Поразительная карьера Рича была тесно связана с величайшими мировыми событиями: революцией Фиделя Кастро на Кубе в 1959 г., распадом колониальной системы в Африке 1960-х гг., «войной Судного дня» и нефтяным кризисом 1974 г., свержением иранского шаха Мухаммеда Резы Пехлеви и захватом власти аятоллой Хомейни в 1979 г., апарtheidом в ЮАР в 1980-х, распадом Советского Союза в 1990-х. Марк Рич и его деловые партнеры всегда были неподалеку от тех мест, где разворачивались эти события. Благодаря изобретательности, упорству и определенной агрессивности они сумели использовать их себе во благо, опережая своих конкурентов. Но еще важнее, наверное, другое: Марк Рич был первопроходцем глобализации и конструктором современной системы сырьевой торговли. Его имя всегда будет связано с экономической революцией, ведь это он изобрел спотовый рынок, без которого немыслима современная торговля нефтью. Наполняя бензобак своей машины, вы совершаете сделку «на месте», сделку с реальным товаром.

Водителю нужен бензин, он соглашается с предлагаемой ценой, заполняет бак, платит за бензин и уезжает, не принимая на себя никаких дополнительных обязательств. Это в корне отличается от того, как работал международный нефтяной рынок вплоть до начала 1970-х гг. Свободно продавались и покупались по законам спроса и предложения примерно 5 % мировой нефти, остальные 95 % меняли хозяина в соответствии с долгосрочными контрактами и по фиксированным ценам. После Второй мировой войны нефтяной рынок захватили «Семь сестер» – семь крупнейших нефтяных концернов¹². Самое сокрушительное поражение этому транснациональному картелю нанесла именно компания Марка Рича – маленькая фирма, основанная в 1974 г. в швейцарском Цуге. Это как если бы какая-то мелкая программистская компания потеснила «Майкрософт» на рынке программного обеспечения. Марк Рич и четверо его партнеров по бизнесу очень быстро добились того, о чем мечтали все торговцы сырьем: они создали новый рынок для товара¹³, который прежде поступал в свободную продажу в мизерных количествах или не торговался вообще. Им удалось создать независимую систему сбыта, оставившую «Семь сестер» в стороне. Рич стоял у самых истоков нефтяного бума, вызванного растущим спросом. Первые сделки с нефтью Рич провел в конце 1960-х гг. со скромными количествами тунисской нефти. В то время баррель сырой нефти стоил \$2 (цена на нефть достигла максимума – \$147 – в июле 2008 г., а к февралю 2009 г. упала до \$35). Еще не был написан доклад «Пределы роста» для Римского клуба, и никто не слышал о «пике добычи нефти» – термине, связанном со спадом мировой нефтедобычи¹⁴.

Рич внес свой вклад и в рост значимости нефтедобывающих стран. С усилением конкуренции между транснациональными компаниями владельцы природных ресурсов получили возможность больше требовать за свой товар. Исаак Керуб, многолетний партнер и доверенное лицо Рича, сравнил его ни много ни мало с основоположником коммунизма: «В некотором смысле можно сказать, что Марк Рич был Карлом Марксом для нефтедобывающих стран. Благодаря Марксу рабочие осознали свою классовую принадлежность и классовые интересы, а Марк помог нефтедобывающим странам осознать их интересы. Несомненно, это была настоящая революция».

«ОН БЫЛ НАШИМ БОГОМ»

Не прошло и десяти лет после создания, а Marc Rich + Co. AG стала крупнейшей и самой прибыльной независимой нефтетрейдинговой компанией в мире, несмотря на то что два главных партнера, Рич и Грин, числились в розыске у самой могущественной страны мира. Никому не удавалось вести дела, минуя Marc Rich + Co. «В середине 1980-х мы продавали уже

миллион баррелей сырой нефти в день», — сказал Рич. Вскоре его компания превратилась в крупнейшего сырьевого трейдера в мире, торгуя не только нефтью, но всеми металлами и полезными ископаемыми, от алюминия до цинка. «На рынке металлов сейчас хозяинчиают Марк Рич и его 40 разбойников», — с оттенком уважения и покорности судьбе выразился их конкурент¹⁵.

Один английский нефтетрейдер, который, прежде чем пуститься в самостоятельный бизнес, много лет проработал у Рича, сказал мне без тени иронии: «Он был титаном... Нет, он был больше чем титан! Бог — вот кем он был для нас. Он был нашим богом. Когда он звонил вам, чтобы поздравить с удачной сделкой, вас словно поздравлял сам бог».

От «величайшего дьявола» до «бога» — невозможно придумать больший контраст в оценках человека. Черный как смоль или белый как снег, без всяких промежуточных градаций. Почему Ричу дают полярные оценки? Как ему удается вызывать в людях такие яркие эмоции? Этому феномену есть психологическое объяснение: на Рича легко наклеить ярлык. Можно проигнорировать двойственность и неоднозначность его личности, так же как и двойственность и неоднозначность самой нефтяной торговли в целом. Демонизируя Рича или, наоборот, рисуя его «ангелом без крыльев», мы помогаем себе забыть о собственных идеологических и моральных противоречиях.

Значительная часть мировых сырьевых ресурсов добывается в странах, которые не назовешь светочами демократии и прав человека. Страны, богатые нефтью, газом или металлами, обычно страдают от нищеты, коррупции и негодного управления, экономисты и политологи в таких случаях говорят о «парадоксе изобилия» и «сыревом проклятии»¹⁶. Журналисты и шпионы готовы добывать информацию из любых источников, так и торговцу сырьем, если он хочет преуспеть, приходится иметь дело с людьми, с которыми он ни за что не стал бы дружить, и, по всей видимости, прибегать к действиям, которые осуждаются или даже считаются противозаконными в других частях света.

«С волками жить — по-волчьи выть» — так выразился на этот счет один нефтетрейдер в разговоре со мной. Он часто бывал в Нигерии, одной из самых коррумпированных и самых богатых нефтью стран мира. Я поинтересовался, что он имеет в виду. «Если хочешь родить ребенка, готовься потерять невинность», — сказал он. Конечно, Ричу приходилось давать взятки, чтобы заключить контракты. «Торговая империя [Марка Рича] во многом была построена на взятках и откатах коррумпированным чиновникам», — утверждает Комитет по надзору за деятельностью правительственный органов палаты представителей США, проводивший расследование обстоятельств, связанных с помилованием Рича¹⁷.

Торговец нефтью из Нигерии отвергает это обвинение. «Мы бы не добились успеха и не остались бы в бизнесе, если бы просто давали взятки.

Мы предлагали нашим потребителям лучшие услуги, чем наши конкуренты, — и это гораздо важнее». Сам Рич не отрицает, что разрешал давать взятки (см. гл. 14).

ВЫСШАЯ ЦЕЛЬ

«Мною двигало то же, что движет большинством людей, — честолюбие, — говорил мне Рич. — Человечество развивается благодаря честолюбию. Один хочет выше прыгать, другой быстрее бегать, кто-то — летать, кто-то — нырять. Я хотел преуспеть в бизнесе». Высшей целью Рича была земная кора и скрытые в ней сокровища. Чтобы утолить свое честолюбие, он торговал со всеми, кто был готов с ним торговаться: с диктатурами и демократиями, с коммунистами и капиталистами. Будучи евреем, он помогал Израилю и в то же время вел бизнес с исламистским Ираном, желавшим уничтожить еврейское государство. Даже южноафриканский апарtheid его не смущал. Все это сделало его одним из самых богатых людей в мире — и жупелом для всех политических лагерей. Левые видели в нем не Маркса, а эксплуататора третьего мира. Правые считали его предателем, торгающим с Ираном и Кубой. И те и другие клеймили его как величайшего налогового мошенника всех времен и народов. Он заявлял, что невиновен и не нарушал никаких законов. Его юристы пускались в подробнейшие объяснения, доказывая легитимность всех его деловых операций с точки зрения швейцарского законодательства, но общественное мнение игнорировало эти доводы, а американские политики яростно отстаивали противоположную позицию. «Совершенно очевидно, что Рич сколотил свое состояние, действуя без всяких законных, этических и даже нравственных ограничений», — вот конечный вывод Комитета по надзору за деятельностью правительственный органов палаты представителей США¹⁸.

Рич, который всегда старался держаться «вне политики», все глубже погружался в политическую мясорубку. Американские политики, помимо смертного греха торговли с Ираном Хомейни, ставили ему в вину возможные сделки с Muammarом Каддафи «после того, как нефтяные компании США полностью покинули» Ливию¹⁹.

Они обвиняли Рича в том, что он поставлял пшеницу в СССР после американского эмбарго, вызванного вторжением Советов в 1980 г. в Афганистан. «Мистер Рич официально обвиняется в том, что более 20 лет торговал практически со всеми врагами Соединенных Штатов и со многими странами, находившимися под эмбарго», — заявил влиятельный конгрессмен Дэн Бертон, глава Комитета по надзору, после публикации доклада комитета о Риче²⁰.

АНТИСЕМИТСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ

Бездонный космополит-капиталист, сотрудничающий с врагом. Спекулянт, который сам ничего не производит, наживаясь за чужой счет. Вероломный барышник, готовый покинуть свою страну и отказаться от ее гражданства, лишь бы не платить налоги. Однажды в швейцарском парламенте Рича обвинили в том, что он «сосет кровь из третьего мира». Критики Рича, возможно, и не улавливали отзвук антисемитских стереотипов в этих обвинениях. Лишь немногие мои собеседники считали антисемитизм одной из причин столь яростного преследования Рича, в то время как другие нефтяные компании, действовавшие в том же ключе, встречали обхождение гораздо более мягкое.

«Я не люблю понятие “антисемитизм”, потому что его можно навесить как ярлык на любую критику, — сказал мне Авнер Азулай. — Очень часто обвинение в антисемитизме не имеет под собой оснований, но в случае с Марком это действительно проблема».

Азулай, бывший офицер израильской разведки «Моссад», — один из ближайших друзей Рича, много сделавший для того, чтобы он получил помилование.

«Рич — парвеню. Он не из американского истеблишмента и к тому же еврей. Для меня очевидно, что часть американской верхушки — “белой протестантской” элиты — настроена антисемитски», — сказал старый компаньон Рича, с самого начала внимательно следивший за его делом.

Так что же, в этом деле есть антисемитская подоплека? «Вполне возможно, — считает сам Рич. — Я легкая добыча: одиночка, заработал много денег, еврей». Однако Сэнди Вайнберг, помощник федерального прокурора, который начал и серьезно продвинул уголовное расследование против Рича, иначе отреагировал на этот вопрос: отхлебнул минералки из бутылки «Перье» и впервые перешел на повышенные тона. «Мой отец был еврей из Бруклина. Он подвергался дискриминации за то, что был евреем», — гневно сказал он.

Мы сидели в его кабинете на 13-м этаже здания Bank of America, откуда открывался потрясающий вид на Тампу (город на юге Флориды) и соседний Сент-Питерсберг.

«Главное умение Рича — это выживание», — однажды очень к месту заметил журналист из журнала *Fortune*²¹.

Эту фразу Рич мог бы сделать своим девизом. В детстве ему пришлось бежать из Бельгии, и это событие сильно повлияло на него. Рич не любит об этом говорить, но мое подозрение он подтвердил: «Вынужденная эмиграция вселила в меня стремление к независимости». Рич вообще часто использует слово «независимость», в том числе и когда я спрашиваю, что для него значит его несметное богатство. «Богатство всегда означало независимость», — отвечает он.

У Рича типичная ментальность эмигранта, который всего добиваеться самостоятельно и который хочет показать всему свету, чего он достиг. Он жаждал успеха, и этой жажды хватило, чтобы проложить себе путь из скромной квартирки на Холли-стрит, 4404 в Канзас-Сити, штат Миссouri до десятикомнатных апартаментов на Парк-авеню в Манхэттене. «Он со своей мотивацией и энергией спортсмена стремился быстрее думать, упорнее работать и достигать большего, чем другие», — сказал мне Карл Рейхмут, совладелец частного банка, много лет знакомый с Ричем.

Мальчик-беженец, не знавший ни слова по-английски; одинокий еврей в незнакомой стране; единственный сын, желающий доставить радость обожаемому отцу. Благодаря высочайшей эффективности своей работы Рич добивался от окружающих признания и если не любви, то по меньшей мере уважения. Еще лучше сказал об этом его близкий друг, патриарх мира хедж-фондов Майкл Стейнхардт. Мы разговаривали в его манхэттенском офисе на Мэдисон-авеню, на 17-м этаже, где из окон открывается вид на ледяной каток Централ-Парка. У Стейнхардта серебристые усы, очень тихий, спокойный голос, и он похож на панду. В его кабинете собраны изумительные произведения искусства. Это иудейские древности — серебряные семи-свечники и футляры для свитков Торы. Там есть произведения знаменитого создателя фотомонтажного плаката, немца Джона Хартфилда (урожденно-го Хельмута Херцфельда), высмеивавшего в своих удивительных работах Адольфа Гитлера и нацистов. Стейнхардт показал мне знаменитый рисунок с белым голубем мира, насаженным на штык перед дворцом Лиги Наций в Женеве. «Преуспеть в бизнесе стало для Марка жизненно важной функцией», — сказал он о своем друге Риче. Долгие годы успех был для него самоцелью, превратившись в истинный смысл его жизни.

САМАЯ СИЛЬНАЯ СТОРОНА

«Его самая сильная сторона... — задумчиво повторила за мной Урсула Санто-Доминго. Мы сидели в ее квартире в элитном районе Мадрида. Элегантная испанская маркиза с немецкими корнями была первым секретарем Рича. Она знает его больше 40 лет. Впоследствии они дружили семьями, иногда совместно проводя отпуска. — Знаете, он из тех, кого мы в Испании называем “супердотадо” — сверхдаренный человек. Его величайшая сила в том, что он не отступит, пока не достигнет цели. Он может над чем-то трудиться дни и ночи, пока наконец не добьется своего. Он не думал ни о чем, кроме работы. Вам никогда не достичь того же, если вы работаете по восемь часов в день, а в выходные отдыхаете».

Все успешные сырьевые трейдеры, в том числе и Марк Рич, понимают, что ходят по лезвию бритвы. Слишком тонка для них грань между богатством и разорением, между допустимым и недопустимым, между успехом и крахом. Один трейдер из южной Америки рассказывал мне,

как в 1970-х Рич брал его на работу: «Марк взял нож левой рукой и прорвал указательным пальцем правой по лезвию. Он сказал: “Трейдер всегда ходит по лезвию ножа. Будь осторожен и не оступись”».

Если верить Руди Джулиани и его помощнику Сэнди Вайнбергу, в начале 1980-х оступил сам Рич. «Наши доказательства были не просто убедительными – они были неопровергимыми», – сказал мне Вайнберг. Впрочем, Вайнбергу и Джулиани так и не пришлось демонстрировать неопровергимость своих доказательств в суде. Поскольку Рич решил не возвращаться в Соединенные Штаты, то суд над ним не состоялся и обвинительный – или оправдательный – приговор так и не был вынесен.

Из-за этого скандального дела совершенно забылись исключительные коммерческие успехи Марка Рича. В глазах коллег он не спекулянт и не нарушитель запретов. Вовсе не инкриминируемое ему уклонение от налогов превратило его в самого влиятельного торговца сырем в XX в. Когда я спросил, как он добился таких успехов, Рич ответил традиционной трейдерской шуткой: «Покупай дешевле, продавай дороже». Потом он добавил более серьезным тоном: «Вот что требуется для успеха: упорная работа, упорная работа и еще раз упорная работа – и хорошие компании. Щепотка удачи тоже не помешает». Это и в самом деле важные компоненты успеха, но только ими не объяснить весь масштаб его впечатляющих достижений.

Именно ради разговора на эти темы я ждал его тем ранним морозным утром на стоянке у лыжного подъемника «Сувретты». Мы договорились встретиться в половине девятого утра, и ровно в 8:30, минута в минуту, подъехал травянисто-зеленый автомобиль, из которого выбрался Марк Рич. Не импозантный Mercedes, BMW или внедорожник, популярные у раскатывающих по свету «денежных мешков», а непримечательный, выдавший виды Subaru Legacy с номерами швейцарского кантона Люцерн. За рулем сидел один из крепких мужчин, которых я видел в офисе Рича. Телохранитель помог Ричу выгрузить лыжи, выступив на этот раз в роли дворецкого. Доведись случайному человеку наблюдать за этой обыденной ситуацией, он никогда бы не догадался, кто эти люди.

Рич был в синих лыжных брюках, ярко-красном жилете, на голове – черный горнолыжный шлем. Поноженные горнолыжные ботинки выдавали в нем истинного фаната, который никогда не заменит удобные ботинки новыми ради красоты. Как всегда, Марка сопровождали дочери Илона и Даниэль с семьями. Его, конечно же, радовало их общество.

«Побудь еще, не уезжай! Я каждый день скучаю по тебе», – сидя в кресле подъемника, просил он Даниэль, которая на следующий день собиралась лететь в Штаты. «Я должна вернуться в Нью-Йорк, а то мама расстроится», – отвечала Даниэль. «Так позвони ей и скажи, чтобы тоже сюда приехала», – настаивал Рич.

Даниэль покачала головой: «Ты знаешь, что у нее связано с Санкт-Морицем, — сказала она. — Сомневаюсь, что ей здесь будет хорошо».

Их короткий диалог как бы подводил итог истории с Гизелой Росси — эффектной немкой, с которой Рич познакомился в 1992 г. В конце концов это привело к разводу с Дениз (см. гл. 16).

В первой половине 1990-х дела у Рича неожиданно пошли наперекос. Он остался на свободе, но преследования американских властей сделали свое дело. Для Рича, заядлого путешественника, Швейцария превратилась в подобие золоченой клетки. Чуть ли не в любой стране мира американские агенты могли его арестовать и доставить в Соединенные Штаты. Он оказался в изоляции. Многие потенциальные партнеры, опасаясь гнева американского правительства, отказывались вести с ним бизнес — во всяком случае, официально. Цены на все виды сырья опускались все ниже и ниже. Южная Африка после отмены законов апартеида постепенно выходила из-под санкций, и у нее отпала необходимость переплачивать Ричу за нефть.

Друзья Рича говорили мне, что в то время он вел себя просто невыносимо. Много пил, окружил себя дурными советчиками, принял несколько неверных решений, стоивших ему кучу денег и в конечном итоге его компании. В довершение ко всему развод с первой женой Дениз превратился в жестокую и разорительную бойню, которую широко освещали средства массовой информации. Много лет после развода бывшие супруги даже не разговаривали. Те, кто знал подоплеку событий, говорили, что Дениз было нелегко заставить себя добиваться помилования для бывшего мужа. В ее памяти Санкт-Мориц из места безмятежных семейных отпусков превратился в место, где их брак дал трещину. Неудивительно, что Дениз не стремилась туда вернуться.

КАТАНИЕ НА ЛЫЖАХ В САНКТ-МОРИЦЕ

Корвилья близ Санкт-Морица — один из крупнейших и самых привлекательных альпийских горнолыжных курортов. Рич здесь владеет трехэтажным шале на горе Сувретта — чрезвычайно престижном и дорогом месте, где средний дом стоит около \$70 млн. Внутри шале есть бассейн, где Рич плавает по утрам. Зимой он проводит здесь выходные. Он превосходный лыжник, даже в свои 74 года выполняющий каждый спуск с большим изяществом. Рич вообще очень спортивный человек: он любит играть в теннис и дважды в неделю занимается с персональным тренером.

Хотя богачи могут подняться на вершину горы на вертолете, Рич стоит в общей очереди к кресельному подъемнику. Внимательный наблюдатель может заметить на склонах двух его спутников — один впереди Рича, другой позади. У телохранителей с собой рации и тяжелые рюкзаки — на всякий случай. Еще не вполне оправившийся от простуды Рич

неутомимо, раз за разом спускается по склону. А потом, сидя в подъемнике, начинает работать: звонит деловым партнерам по всему миру, легко переходя с английского на испанский и с французского на немецкий. На вопрос, на каком языке ему проще всего разговаривать, он пожимает плечами. С отцом он говорил по-немецки, с матерью — по-французски. Он часто говорит по-испански с дочерьми, выросшими в Испании, а дела ведет по большей части на английском.

В то время Рич активно занимался недвижимостью, и кризис высокорискового ипотечного кредитования не давал ему заскучать. У него был земельный участок не лучшего качества в Испании, пострадавшей от кризиса больше других европейских стран. Рич купил эту землю за \$30 млн несколько лет назад, во время бума недвижимости, рассчитывая, что цены будут расти. Теперь стоимость земли таяла как снег. Банки стремились от нее избавиться. Говоря по телефону на подъемнике, Рич раздраженно давал краткие указания. «Сколько у нас процентов? Кто ведет дело? Нет, мы не станем пускать деньги на ветер. До свидания». Закончив говорить по телефону, он стал обсуждать эту сделку с дочерью Даниэль и ее мужем Ричардом. Мое присутствие, похоже, его нисколько не смущало.

После утреннего катания на лыжах он пригласил меня к себе в шале на ланч. Лифт поднял нас из гаража на третий этаж, где моим глазам открылся сказочный вид на заснеженные горы и озера в верховьях долины Энгаден.

Традиционный деревянный интерьер шале удачно сочетается с современной мебелью и произведениями современного искусства, демонстрируя безупречный вкус хозяина. В обширной комнате тон задают два больших ярких дивана. На столе между ними стоят бронзовые скульптуры животных из Боливии и высится гора монографий по истории искусства — от Диего Веласкеса до Йозефа Бойса и Филипа Тааффе. На стенах — работы Мигеля Барсело и Кита Харинга. Все шале благоухает, как цветочный магазин. Повсюду в зеленых вазах стоят роскошные букеты, оставшиеся со дня рождения Рича: белые розы, тюльпаны, лилии (он любит белый цвет). Нас сопровождает его подруга Долорес («Лола») Руис, которую Рич зовет “*mi más bella flor*” («мой самый прекрасный цветок»). Вначале мне это показалось слегка манерным, но, выяснив, кто Лола такая, я изменил свое мнение. Интеллектуалка русско-испанского происхождения, кандидат филологических наук*, Лола пишет книгу о своей знаменитой бабушке, легендарной Долорес Ибаррури Гомес — Генеральном секретаре компартии Испании. Именно она в дни осады Мадрида во время гражданской войны в Испании (1936–1939) провозгласила лозунг «Но пасаран!» — «Они

* Кандидатская диссертация на тему «Латинская Америка в информационной экспансии США» защищена на кафедре зарубежной литературы и печати факультета журналистики МГУ в 1988 г. — Прим. ред.

не пройдут!», вскоре превратившийся в международный антифашистский девиз. Ее псевдоним «Пассионария» означает «цветок страсти» – страс-тоцвет. Эрнест Хемингуэй обессмертил ее в своем романе «По ком звонит колокол» о гражданской войне в Испании – романе, по которому был снят фильм с Гэри Купером и Ингрид Бергман в главных ролях. Хорошо известно и другое высказывание Пассионарии: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях». Чуть измененное, это высказывание вполне подходит партнеру Лолы: лучше урезанная свобода в Швейцарии, чем единственный день в американской тюрьме.

После ланча с курицей, картошкой и зеленым горошком мы с Ричем сидим на диване перед панорамным окном. Мы пьем любимое вино Рича – Rioja Imperial Reserva урожая 2000 г. компании CVNE. «Достойное вино», – кратко сказал он. Это не статусное бордо, а «тяжелая» риоха из испанского винограда сорта темпранильо. В Санкт-Морице бутылку такого вина можно купить за каких-нибудь \$30. Из колонок звучит фуга Баха, за окном искрится скованное льдом озеро Сильваплана. Сияющая голубая вершина Пиц Корвач отбрасывает тень на всю долину.

– Мой отец, – без раздумий отвечает мне Рич. – Самое большое влияние на меня оказал отец. Мы бросили все в Бельгии, и мой отец сумел создать крупный бизнес с нуля.

И Рич начал свой рассказ – рассказ о бедности и богатстве, о власти и политике, о нравственности и гениальности. Рассказ этот во многом был связан с прошлым и будущим нефти.

ГЛАВА 3

Еврейское счастье

Свой первый автомобиль, подержанный черный Citroën, Давид Райх приобрел 8 мая 1940 г., в среду. В те времена позволить себе автомобиль могли лишь богатые люди, а Давид Райх был вовсе не богат. 38-летний торговец обувью отдал за уже не новую машину чуть ли не все свои сбережения, но эта покупка не переполняла его гордостью. В тот год бельгийским евреям было не до гордости. Райх чувствовал, что у его маленькой семьи осталось совсем мало времени. Зловещие предзнаменования были вполне ясными для тех, кто был готов их увидеть.

Немецкие войска только что захватили Данию и Норвегию, а восемью месяцами раньше, в сентябре 1939 г., нацисты ворвались в Польшу. Так началась Вторая мировая война – величайшая и кровопролитнейшая война в истории человечества. Через считаные дни немцы вторгнутся во Францию через Бельгию. Весной 1940 г. было нетрудно предсказать, что тогда случится с еврейской семьей. В Германии еще в 1935 г. вступили в силу антисемитские «нюрнбергские законы», методично притеснявшие и преследовавшие евреев. На площадях горели костры из книг Курта Тухольского, Эптона Синклера, Зигмунда Фрейда, Анны Зегерс, Лиона Фейхтвангера. Германский рейх устранил евреев из экономической, политической и социальной жизни страны.

Вслед за узаконенной дискриминацией евреев и экспроприацией их собственности, в ноябре 1938 г. произошел еврейский погром – «хрустальная ночь», подавшая сигнал к началу их физического преследования.

Одиозную речь Адольфа Гитлера 30 января 1939 г., произнесенную им на шестой годовщине захвата власти нацистами, транслировали по радио и показывали в еженедельных выпусках кинохроники. С трибуны рейхстага диктатор выкрикивал резким стаккато: «Если международное финансовое еврейство в Европе и вне ее опять преуспеет в том, чтобы втянуть народы в мировую войну, результатом будет не большевизация земли, то есть победа еврейства, а уничтожение европейской расы в Европе!»¹

Давид Райх – энергичный мужчина, глава семьи, отец милого пятилетнего мальчика – 8 мая 1940 г. принял окончательное решение. Он, подобно своим отцам и дедам, испытал антисемитские преследования на собственной шкуре. Давид родился в 1902 г. в Австро-Венгерской империи, в ортодоксальной еврейской семье в галицийском городке Перемышль, что

у подножия Карпатских гор. Сегодня это Пшемысль — город на юго-востоке Польши, недалеко от границы с Украиной. Когда в конце Первой мировой войны австро-венгерская монархия рухнула, по Галиции прокатились ужасные еврейские погромы, и Давид Райх вместе с родителями и родственниками бежал на запад.

Они начали новую жизнь с нуля в 1200 км от прежней родины — в германском Франкфурте. Подобный опыт имелся у многих евреев — опыт, укоренившийся в коллективной памяти еврейского народа. Во многих еврейских домах стоял чемодан с необходимыми вещами на тот случай, «если это начнется снова» и придется бросить все и бежать. 30 января 1933 г. Адольф Гитлер стал рейхсканцлером Германии; нацисты пришли к власти. Давид Райх вскоре понял, что настало время собирать чемодан. Снова, как тогда в Перемышле, ему пришлось навсегда покинуть свой дом.

В том роковом 1933 г., который привел Германию к величайшей катастрофе, Давид встретил изящную привлекательную женщину — Паулу («Пепи») Ванг. Давид очаровал ее — не в последнюю очередь своей кипучей энергией. Паула, родившаяся в 1910 г. в немецком Саарбрюккене, была из тех женщин, которые знают, чего хотят, и не стесняются сказать об этом. После свадьбы они решили поселиться в Антверпене — бельгийском городе, имеющем для евреев особенное значение. Антверпен, город на реке Шельде, торговый центр со славным прошлым и один из крупнейших портов мира, в то время был — и теперь снова стал — центром европейской жизни в Европе.

Французский историк Фернан Бродель называет Антверпен центром мировой экономики второй половины XVI в.² Португальские корабли сгружали здесь драгоценные пряности: индийский перец, занзибарскую гвоздику. Антверпен был космополитичным городом торговцев и предпринимателей всех главных торговых наций, объединенных стремлением получить прибыль. Антверпен был городом чрезвычайно терпимым, и в нем разрослась обширная еврейская община. Американский экономист Дэвид Лэндис характеризует Антверпен как центр промышленного, коммерческого и умственного прогресса, вызванного экономическим, интеллектуальным и духовным разнообразием³.

Город, куда в конце 1933 г. эмигрировали Давид и Паула Райх, был центром мировой алмазной торговли. Здесь производили и продавали 80% бриллиантов всего мира⁴. 90% рынка бриллиантов были в еврейских руках, но чтобы попасть в этот притягательный бизнес, у Давида Райха не было ни нужных контактов, ни везения. И он занялся одним из тех дел, которыми европейские евреи занимались веками, — торговлей. Он работал больше других и продавал все что мог: сначала металлом, потом ткани и, наконец, остановился на обуви. Антверпен словно пропитывал своих жителей духом торговли. «Давид никогда не сидел на месте, — рассказывал мне друг семьи. — Он был очень динамичен и всегда полон новых идей».

Они достаточно зарабатывали для скромной жизни – достаточно, чтобы снимать квартиру в небогатом районе, есть три раза в день, иногда позволить себе сходить в кино. Сегодня семьи с таким уровнем доходов относят к «классу ниже среднего». Их семья достигла полного счастья, когда 18 декабря 1934 г., в четверг вечером, Паула Райх родила мальчика. Его назвали Марселлом – по имени Марса, римского бога войны. Второе его имя было Давид, в честь отца.

Марсэлл Давид Райх, впоследствии взявший имя Марк Рич, родился в благочестивой еврейской семье, где соблюдали законы кашрута и молились по ортодоксальным правилам. Его отец был человеком образованным, строгим к себе и к членам семьи, бескомпромиссным во всем, что касалось порядка, работы и религии. Он был требовательным отцом, надежным, честным человеком, достойным безоговорочного доверия. Марк его обожал. Паула, мать Марка, была умной, сообразительной, немного насмешливой французской еврейкой, сам вид которой вызывал уважение. В своей жизни она обожала двух мужчин – мужа Давида и сына Марка. В памяти друзей Марка она осталась типичной «аидише мамэ» – любящей, всегда готовой помочь и чересчур заботливой. Марк рос двуязычным ребенком: с отцом он говорил на его родном немецком языке, а с матерью – по-французски. Он ходил в школу «Тахкемони» в центре Антверпена; эта еврейская школа существует и сегодня неподалеку от улицы Пеликаанстраат – крупнейшего в городе центра торговли бриллиантами. У Марка была няня-немка по имени Зельма, которую он очень любил.

СПАСАЯСЬ ОТ ХОЛОКОСТА

И тут «все началось снова». Настало время собирать чемоданы. 8 мая 1940 г., когда Давид Райх отдал практически все свои сбережения за подержанный черный Citroën, угроза того, что нацисты захватят всю Европу, казалась более чем возможной. Всего лишь два дня спустя, в 5 часов 35 минут в пятницу 10 мая, вермахт вторгся в Низинные земли, а люфтваффе бомбили антверпенский порт.

«Отец посадил нас в машину, – рассказывает Марк Рич. – Маму, няню Зельму и меня. И мы поехали. Я видел немецкие самолеты. Слышал, как рвутся бомбы».

Мы сидим в его офисе в швейцарском городке Цуг и пьем кофе. Мы говорим о его детстве, об отношениях с родителями и о том, что на него повлияло. Германское вторжение и бегство их семьи – его первые настоящие воспоминания. Травма бегства и потери дома запечатлились в сознании пятилетнего мальчика.

В тот день тысячи бельгийцев пытались убежать во Францию. Давид и Паула Райх вместе с Марселлом и Зельмой устремились на юг вместе со всеми. Французская граница была меньше чем в сотне миль

от Антверпена. На границе их ждало ужасное открытие: их няне, немке Зельме, французские пограничники не разрешили въехать в страну. Франция с сентября 1939 г. была в состоянии войны с Германией, и никакие споры и доказательства не могли переубедить чиновников. Зельму пришлось оставить на бельгийской границе, предоставив ей спасаться самой.

Бегство во Францию спасло семью Райх от уничтожения. 18 мая 1940 г., через каких-то восемь дней после захвата Антверпена, нацисты схватили 6000–10 000 евреев⁵. У них изъяли все имущество, ликвидировали предприятие, запретили все их организации. Это было частью плана Гитлера по полному истреблению европейского еврейства. В 1940 г. в Бельгии находилось около 52 000–55 000 евреев; 25 000 из них до конца войны были депортированы в Восточную Европу и уничтожены в лагерях смерти, главным образом в Освенциме⁶. Весной 1940 г. нацистская Германия казалась непобедимой, а немецкое слово «блицкриг» стало известно на всех языках. Немцы захватили Бельгию, Голландию и Люксембург за считанные дни. Они вторглись во Францию в начале июня, а уже 14 июня немецкие солдаты фотографировались в Париже на фоне Триумфальной арки.

КАСАБЛАНКА

На своем черном Citroën Давид Райх вывез семью в Марсель, в не оккупированную немцами южную Францию. Он надеялся, что в этом крупнейшем порту он найдет корабль, который вывезет их из Европы, хотя летом 1940 г. очень немногие страны соглашались принимать еврейских беженцев. Одной из таких стран была Австралия, но взять билет на пассажирский корабль «к антиподам» семья не могла – для них это было слишком дорого. После недель ожидания Райх наконец нашел отправлявшееся в Австралию грузовое судно «Монвизо», на которое семью еврейских беженцев взяли за несколько франков.

Пароход «Монвизо» отплыл из Марселя в субботу, из-за чего несколько беженцев-евреев отказались от спасительного путешествия. «Корабль отплывал в субботу – в Шаббат, и они отказались плыть и остались на берегу», – вспоминает Марк Рич. Набожный еврей не должен пользоваться транспортом в Шаббат. Но Давид Райх знал, что законы Шаббата разрешается нарушить ради спасения жизни, а они именно спасали свои жизни.

Семья спала на импровизированных гамаках, натянутых между трубами в подпалубных помещениях. Пассажиров кормили мясом коз, которых держали на отгороженной части палубы. Этот грузовой пароход, тесный, неудобный, грязный, пропахший нефтью, спас семейство Райх от гибели в нацистских газовых камерах. На фотографии того времени маленький Марселя в шортах и сандалиях стоит рядом с родителями, и вид у него счастливее некуда. В середине снимка застенчиво улыбается его

мать, закутанная в шаль. Отец – в белых брюках, белой рубашке и в очках. На заднем плане какой-то мужчина обнимает плачущего ребенка. Почти все пассажиры корабля были бедными евреями.

Увы, далеко «Монвизо» не уплыл. Едва пароход пересек Гибралтарский пролив и повернулся на юг, как его остановили у марокканского побережья неподалеку от Касабланки. Местные власти запретили судну плыть дальше, а его пассажиров задержали. Семью Райхов, продержав несколько суток на борту, интернировали в лагере беженцев в Азemmуре, к югу от Касабланки. Мечта начать новую жизнь в Австралии, вдали от нацистов, закончилась крахом.

Прошло три месяца, четыре... Чем дольше Райхи оставались в лагере, тем меньше у них было надежды оказаться на свободе. Жизнь в заключении под охраной жестокого полицейского оставила в памяти Марка тяжелые воспоминания. Он чувствовал, что отец не в силах им помочь.

Их спасли три способности Давида Райха. Он знал немецкий, идиш и французский, и в лагере стали пользоваться его услугами в качестве переводчика. Своим разумным и твердым поведением Давид завоевал уважение товарищей по заключению, и они выбрали его своим представителем. Благодаря этому он сумел установить контакты с марокканскими чиновниками в качестве представителя других заключенных. Впоследствии Давиду, в отличие от других интернированных, разрешили свободно передвигаться. Ему позволили периодически ездить в Касабланку для переговоров с властями и, наконец, разрешили связаться с сестрой, которая несколько лет назад переехала в США. Христианская организация, в которой она работала, помогла ей обратиться в Вашингтон, к государственному секретарю США Корделлу Халлу.

Это обращение обернулось для семьи Райх пропуском на свободу. Сестре Давида удалось получить въездные визы в США для брата и его семьи. Вместо путешествия в Австралию Райхи неожиданно получили разрешение на въезд в Америку, куда после принятия Закона об иммиграции 1924 г. стало нелегко попасть. И отправились они туда не в трюме грузового судна, а на пассажирском корабле регулярной судоходной линии. Пароход «Серпа Пинту» остался в памяти Марка Рича как «славный и комфортабельный».

«МЫ ВСЕ ПОТЕРЯЛИ, ЗАТО ОСТАЛИСЬ ЖИВЫ»

Маленький мальчик из Антверпена стоял на палубе океанского корабля. Была весна 1941 г., до Перл-Харбора и вступления Америки в войну, до бояни в Бабьем Яре оставалось еще несколько месяцев⁷. Мальчик с волнением смотрел на статую Свободы и очертания Нью-Йорка. Он никогда не видел небоскребов и не знал ни слова по-английски. Благодаря зигзагу удачи Марселя Давид Райх оказался в Соединенных Штатах. Он выжил по двум

причинам: во-первых, по ряду случайностей, печальных самих по себе, и, во-вторых, благодаря дальновидности и умениям отца. «Мы все потеряли, — говорит Марк Рич, — зато остались живы». И это было величайшее, важнейшее достижение в жизни Давида Райха. В то время для европейского еврея квинтэссенцией успеха было оставаться в живых. В Галичине, откуда родом семья Райхов, выжил лишь один еврей из десяти. Если бы Давид Райх не переселился из Перемышля во Франкфурт, оттуда в Антверпен, а затем уже в Марсель, шансы его семьи на выживание были бы ничтожны. Теперь же Райхи оказались счастливыми обладателями пропуска в «землю обетованную».

Марселя Райх, он же Марк Рич, навсегда сохранит ментальность беженца-эмигранта, он навсегда останется «другим». Именно в этой ментальности, в ощущении вечной бездомности коренится его решимость добиться успеха. Решимость эту еще больше укрепил еврейский опыт жизни на чужбине, а также то, что он был единственным ребенком. Исследования говорят, что единственный ребенок имеет более высокую мотивацию и способность к адаптации, чем ребенок из многодетной семьи⁸. В досье на Марка Рича, собранном Службой федеральных маршалов США, есть неожиданная информация о том, что семья Райх, едва спустившись с трапа «Сепра Пинту», сразу же поселилась на Манхэттене, на элитной Пятой авеню. На самом же деле Ричи вначале поселились в доме тети — той самой, что выбила для них визу. Она жила недалеко от Нью-Йорка — в районе Крествуд города Йонкерс. В Крествуде была значительная еврейская община. Оттуда семья Рич начала свою американскую одиссею, растянувшуюся на долгие годы. Вначале была Филадельфия, затем Канзас-Сити, откуда они вернулись в Нью-Йорк: сначала поселились в Квинсе, а в конце концов — на Манхэттене.

«ОН БЫЛ МАЛЕНЬКИЙ, ГОВОРИЛ С АКЦЕНТОМ, И ОН БЫЛ ЕВРЕЙ»

Марк Рич говорит, что за 12 лет поменял 12 школ. Так что завести друзей ему, эмигранту и единственному ребенку в семье, было непросто. Он рос одинокой, был предоставлен самому себе, и это стало привычкой, впоследствии сформировавшей его характер. Рич навсегда останется одинокой, он не принадлежит к элите и не стремится в нее попасть. У него несгибаемый характер, и он всегда готов это доказать на деле. «Немногое поплачешь и идешь дальше», — ответил мне Рич на вопрос, как он справляется с поражениями.

В феврале 1943 г. семья сменила фамилию Райх на звучащую более по-американски Рич, а Марселя стал Марком. Но Ричи по-прежнему чувствуют себя европейцами; дома они разговаривают в основном по-французски и по-немецки. Год спустя они перебрались в штат Миссури, город

Канзас-Сити, в дом 4404 на Холли-стрит – в тесную квартирку на втором этаже кирпичного дома в малопривлекательном районе южной части города. 14 февраля 1947 г. семья Рич получила американское гражданство. Впервые со времен бегства из Галичины у них появился настоящий дом.

Немногие одноклассники, которые помнят Марка Рича в его канзасский период жизни, говорят о нем как о скромном, тихом мальчике, почти не участвовавшем в социальной жизни. Ричи в основном общались друг с другом. Марк учился в Начальной школе Э.Ф. Суинни, в Вестпортской неполной средней школе и, наконец, в Юго-Западной средней школе. По вечерам и по выходным дням он посещал занятия по ивриту. Лицо Марка Рича можно видеть на классной фотографии в ежегоднике Юго-Западной средней школы 1949–1950 гг., но он не числится ни в одной спортивной команде, ни в одном клубе. Его одноклассница Элейн Фокс рассказывает: «Насколько я помню, он был маленький, тихий, с копной черных волнистых волос. Наверно, он был таким скромным еще и потому, что был не такой, как все. Он говорил с акцентом, и он был еврей»⁹.

Он был «самым тихим мальчиком в “Лагере Оцеолы”», как вспоминает писатель Келвин Триллин, живший с Марком в одной палатке в 1949 г. в горах Озарк. Впоследствии Рич довел до совершенства свое умение оставаться незаметным. Триллин (который, в отличие от Рича, попал в школьный зал славы), был поражен тем, что Марк знал больше языков, чем любой скаут в лагере. Понятно, что два товарища по скаутской палатке, сидя у лагерного костра, говорили не о ценах на нефть или стратегиях купли-продажи ценных бумаг. «Если меня спросят, не пытался ли Марк Рич монополизировать какой-нибудь рынок в “Оцеоле”, я скажу, что единственным серьезным товаром в лагере был продукт с названием “Анти-Клещ” или что-то вроде этого – он смягчал зуд от укусов клещей, да и то не всегда»¹⁰.

В 1946 г. Давид Рич открыл ювелирный магазин Petty Gem Shop. 11-летний Марк, вместо того чтобы играть со сверстниками, помогал отцу в магазине. «Я там делал все на свете. Вешал ценники на ювелирные изделия, помогал их чистить, продавал». Ему нравилось торговаться и договариваться, торговать и продавать. Именно там, в магазинчике отца в Канзас-Сити, в нем проснулся интерес к бизнесу.

Дела шли хорошо – настолько хорошо, что Давид Рич занялся оптовой торговлей и учредил компанию Rich Merchandising. Давид был образцовым торговцем – он всегда был готов заняться чем-нибудь новым. Рене Тро, антверпенский кузен Марка Рича, вспоминает, как его дядя Давид приехал к ним вскоре после войны. «Он был полон идей: импортировать игрушечные машинки, заняться экспортом косметики, открыть банк в Боливии». Давид Рич торговал драгоценными камнями, автомобильными запчастями, джутовыми мешками и табаком. Благодаря джутовым мешкам у него завелись связи в Южной Америке, особенно в Боливии,